

УДК 323.232

М. В. Кирчанов

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И МЕМОРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА СОВРЕМЕННОГО РУМЫНСКОГО ОБЩЕСТВА

69

Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия

Поступила в редакцию 20.04.2023 г.

Принята к публикации 19.06.2023 г.

doi: 10.5922/sikbfu-2023-3-7

Для цитирования: Кирчанов М. В. Историческая политика и мемориальная культура современного румынского общества // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2023. №3. С. 69–84. doi: 10.5922/sikbfu-2023-3-7.

Целью исследования является анализ современной политики памяти в Румынии в начале 2020-х гг. Автор анализирует роль и место интеллектуальных сообществ как основных пространств генезиса памяти и функционирования мемориальной культуры и коллективной исторической памяти в современной общественной и политической мысли Румынии. Новизна исследования заключается в изучении актуального (современного) этапа в развитии исторической политики румынского общества в контексте объективного дефицита междисциплинарных исследований, сфокусированных на анализе мемориальных культур. В статье показано, что 1) интеллектуальное сообщество как один из системных сегментов современного румынского общества вносит значительный вклад в развитие и трансформацию мемориальной культуры, 2) спектр мемориальных практик румынских интеллектуалов как агентов политики исторической памяти и форматоров различных версий мемориальной культуры варьируется от исторического ревизионизма до попыток сформировать либеральный мемориальный канон, 3) мемориальные практики современного интеллектуального сообщества взаимосвязаны с развитием гражданского и этнического националистического дискурса, 4) участие интеллектуалов в мемориальной политике актуализирует политическую и идеологическую гетерогенность современного общества, содействуя параллельному созреванию и конкуренции различных форм исторической памяти. Предполагается, что роль румынского гражданского общества в исторической политике современной Румынии будет возрастать, а интеллектуальное сообщество останется одним из активных участников политики коллективной памяти.

Ключевые слова: Румыния, коллективная память, интеллектуалы, историческая политика, войны памяти, культура памяти

Введение

Трансформации исторического знания как формы науки в начале XXI в., связанные с общим падением ее престижа, ростом авторитета альтернативных идей и выдвижением откровенно антинаучных концепций, привели к тому, что история стала более активно использоваться правящими политическими кругами различных стран для решения собственных задач. Весь спектр действий со стороны властей в отношении истории определяется как историческая политика или политика памяти. Историческая политика в первой четверти XXI в. смогла превратиться в универсальное явление, широко распространенное в мире и применяемое различными политическими элитами и общественными активистами.

Цели и задачи этих сил могут отличаться, но методы их обращения с историей имеют несколько общих особенностей. Во-первых, представления об истории подвергаются существенной политизации и идеологизации. Во-вторых, интерпретации истории утрачивают свою формальную самостоятельность и оказываются в зависимости от стремления элит решать конкретные политические задачи. В-третьих, в сложившейся ситуации углубляется разрыв между академической научной историографией и теми представлениями об истории, которые преобладают в публичных и общественных пространствах современных государств. Подобные практики, характерные для большинства стран современного мира, не стали исключением и для тех государств Европейского союза, которые вошли в состав организации в начале XXI в. Среди таких стран особое место занимает Румыния.

Политика памяти в Румынии: основные особенности

Историческая политика Румынии на современном этапе обладает несколькими существенными особенностями.

Во-первых, политика памяти, проводимая современными историческими активистами, в значительной степени подвержена политизации и идеологизации.

Во-вторых, основными идеологиями, которые существенно влияют на векторы и траектории трансформации исторической коллективной памяти в Румынии, являются румынский национализм и либерализм.

В-третьих, в современной Румынии, в отличие от других стран Восточной и Центральной Европы, отсутствуют специализированные институты, за исключением Института расследования преступлений коммунизма и памяти румынской эмиграции (Institutul de Investigare a Crimelor Comunismului și Memoria Exilului Românesc), призванные развивать и продвигать официально санкционированные версии исторической памяти и мемориальной культуры в целях консолидации государства.

Все эти три фактора оказывают ощутимое воздействие на современную историческую политику в Румынии.

Методология и историография

Методологически представленная статья основана на принципах, предложенных в междисциплинарной историографии памяти, которая начала активно развиваться в XXI в. Институционализация современной историографии памяти стала возможной благодаря успешному развитию мемориального поворота, в рамках которого в исторических исследованиях наметился тренд в сторону большего внимания к различным формам памяти в ее связи с национальной идентичностью и политической культурой [1]. Особое внимание в академической литературе уделяется тем социальным силам и акторам, которые формируют коллективную память и, как следствие, являются агентами исторической политики или политики памяти. В целом в современной междисциплинарной историографии исторической памяти наметились две основные интерпретационные тенденции, представленные дискурсивно-нарративным и визуальным анализом.

В рамках дискурсивно-нарративного подхода историческая политика или политика памяти анализируется через призму текстов [2]. Таким образом, путем конструкции или деконструкции нарративов, выявления их смыслов или приписывания им таковых происходит конструирование самой исторической памяти. В этом случае, как правило, анализируются нарративы, предлагаемые представителями политических элит и прочими участниками процесса формирования коллективной памяти [3]. В рамках визуального поворота историческая политика рассматривается в контекстах визуализации образов прошлого и различных версий истории в публичных и общественных пространствах современных государств, ориентированных в первую очередь на ассимиляцию истории обществом потребления [4]. С опорой на эти подходы в представленной статье будет проанализирована историческая политика в Румынии [5], которая в современной междисциплинарной историографии исследуется через призму восприятия памяти как социального, культурного и политического конструкта [6], используемого как элитами [7], так и интеллектуалами [8] для легитимации собственного статуса и ревизии истории [9].

Цель и задачи статьи

Целью статьи является анализ основных тенденций и закономерностей в политике памяти, реализуемой современными румынскими элитами и общественными активистами в начале 2020-х гг. Поставлены следующие задачи: 1) выявление основных тематических направлений «проработки прошлого» в рамках румынской исторической политики в общественных пространствах; 2) изучение особенностей политики памяти в современной Румынии в той форме, в которой она проводится активистами, но не институтами; 3) анализ перспектив развития исторической политики в контекстах как консолидации общества, так и возможных мемориальных конфликтов.

Национализм как фактор мифологизации мемориальной культуры

Историческая политика в современной Румынии, как и в других странах Центральной и Восточной Европы, основана на активном использовании национализма как фактора, который содействует консолидации мемориальной культуры и укреплению исторической памяти. Политика памяти, в реализацию которой вовлечены общественные активисты, как правило, носит ситуативный характер, актуализируя в публичных и общественных пространствах образы, воспринимаемые в качестве системных для современной румынской политической и этнической идентичности. Среди таких моментов, которые периодически оказываются в центре внимания и используются для решения задач консолидации общества, — объединение Румынии и Трансильвании в 1918 г.

72

В этом контексте историческая политика актуализирует свое значение в качестве инструмента, используемого политическими элитами. Поэтому 1 декабря отмечается как Национальный день Румынии, так как именно в этот день Великое собрание в Алба-Юлии проголосовало за объединение Трансильвании с Румынией. В современной мемориальной культуре это событие стало объектом мифологизации. В частности историк Флорин Ангел подчеркивает, что в румынской идентичности 1 декабря напоминает «о героизме и мужестве, мифе румынского народа, который стал реальностью через страдания, доверие и чувство собственного достоинства» [10]. Столь эмоционально окрашенное использование прошлого в румынской мемориальной политике свидетельствует о том, что «история используется для легитимации государства, для борьбы за равноправие с другими народами» [11, р. 470].

Поэтому историческая политика успешно и эффективно использует мобилизационный ресурс, характерный для восприятия истории через призму мифологизированного сознания. Важным фактором в развитии мемориальной культуры в Румынии в начале 2020-х гг. являлся гражданский национализм. Премьер-министр Румынии Людовик Орбан в одном из своих выступлений, 9 октября 2020 г., предпринял попытку сформулировать взгляд на историческую память через призму гражданского национализма. По мнению политика, коллективная память должна «оставаться живой, достойной и незапятнанной попытками переписать историю и развиваться так, чтобы румынский народ сопротивлялся искушениям популизма, расистского цинизма и ксенофобии, фундаментализма и экстремизма в различных формах, которые ставят под угрозу демократические и общечеловеческие ценности» [12].

Ради достижения подобных целей правительство Румынии в 2020 г. планировало направить 200 млн евро в ближайшие годы на оцифровку книжных коллекций и архивных фондов, посвященных памяти жертв коммунизма [13]. Комментируя роль гражданского национализма,

Ф. Ангел подчеркивает, что подобные идеи не только стимулировали чувство союзнической солидарности между румынами и итальянцами как романскими нациями в период Первой мировой войны, но и интегрировали вклад нерумын в коллективную историческую память. Примером такой интеграции следует признать Памятник Героям в коммуне Когелак: на его постаменте «большинство имен немецкие, среди которых едва ли найдется хотя бы один Исмаил или такие фамилии, как Попа, Драгичи или Стойнеску. Молодые немцы из Когелака и Тариверде погибли осенью 1916 года за Румынию в боях за оборону Добруджи, против германской армии и кайзера Вильгельма II. Это почти наверняка единственная история в стране, где молодые немцы, первое поколение, родившееся в Добрудже, сражались и умирали за Румынию на глазах немцев из Германии» [14].

В рамках такой версии мемориальной культуры подчеркивается важность «сохранить память о тех, кто пожертвовал собой в Великой войне для достижения национального идеала» [15]. Подобная стратегия реализации исторической политики превращает представления о прошлом в «значительной степени мифическую конструкцию в том смысле, что она являет собой представление о прошлом, связанное с утверждением идентичности в настоящем» [16]. Другие авторы также склонны в исторической памяти актуализировать моменты, связанные с «объединением всех румын в границах единого государства» [17], что указывает на универсальность национализма в современной политике памяти.

Политика памяти в обществе потребления

Подобные элементы политики памяти как процесса мифотворчества в большей степени проявляются в попытках интеграции истории в публичные и общественные пространства, что фактически ведет к ее ассимиляции со стороны массовой культуры и общества потребления. Последнее склонно редуцировать политику памяти до перформанса, который в большей или меньшей степени стимулирует мемориальную культуру, как, например, имело место 17–19 сентября 2021 г. в рамках мероприятий, приуроченных памяти Стефана Батория [18]. Визуализация памяти не ограничивается только Средневековьем. Объектами подобной визуализации и, как следствие, интеграции в мемориальный канон стали более спорные с идеологической точки зрения фигуры новейшей истории Румынии – король Михай I и королева Мария [19].

Визуализация последних средствами современного кино указывает на ассимиляцию части пласта коллективной памяти, раннее отягощенной политическими противоречиями и различными идеологическими интерпретациями. В рамках такой тенденции развития исторической политики Михай и Мария были «выведены» за пределы актуальной мемориальной культуры, так как в их отношении утвердилось компромиссное восприятие их роли и вклада в новейшую историю страны. Другой, более радикальной формой визуализации памяти в Румынии в

начале 2020-х гг. стало издание графического романа «История коммунизма в Румынии» Михая Граждану [20], утверждающего, что он «представляет историю с точки зрения детей и подростков через концепцию прикладного комикса» [21]. Румынский историк Камил Ионеску в связи с этим указывает на то, что такое «графическое, яркое изображение одного из поворотных моментов в новейшей истории Румынии, описывающее возникновение и установление коммунистического режима», отражает основные закономерности развития исторической памяти [21].

Актуализация именно таких моментов в коллективной исторической памяти, сочетающих политическую, просветительскую и развлекательную функции и реализующих стремление вывести прошлое как объект мемориальной культуры из сферы мемориальной конфронтации в направлении общественных пространств как места репрезентации истории, указывает на то, что в Румынии пересматривается отношение к румынскому национализму, который используется для консолидации памяти в рамках не только этнической и мифологизированной систем координат, но гражданской и, отчасти, более рациональной. Последние тенденции, однако, становятся менее заметными, когда в центре исторической политики Румынии оказываются события, связанные с коммунистическим наследием. По мнению украинского исследователя Я. Грыцака, «после краха коммунизма историки оказались вовлеченными в поиск новых парадигм для написания истории» [22, р. 230]. Такие интеллектуальные поиски привели к разным результатам, но общим последствием стало усиление зависимости истории как науки от политической конъюнктуры и превращение прошлого в мобилизационный ресурс, применяемый в рамках исторической политики.

2021 – 2022: политика памяти в условиях конфронтации

Демократический транзит в 1990-е гг. в значительной степени стимулировал политизацию истории и ее перемещение в центр политических дебатов, что сопровождалось открытием архивов и публикацией документов, проливающих свет на репрессии и активность специальных служб. И хотя 2010-е гг. были отмечены снижением интенсивности дебатов в отношении наследия авторитарного режима, инициативы правительства начала 2020-х гг., связанные с пересмотром самой процедуры доступа к архивным фондам, вновь превратили этот вопрос в предмет обсуждения в рамках исторической политики.

Инициатором очередной волны мемориальной конфронтации стало государство, представленное Главным управлением внутренней охраны (Direcția Generală de Protecție Internă), которое выступило с инициативой ревизии архивных фондов, содержащих секретные документы 1930–1980-х гг. Седьмого июня 2021 г. архивариусы уездов Клуж, Яссы и Марамуреш Национального архива Румынии подписали меморандум на имя директора, указав на недопустимость уничтожения архивных фондов, на чем настаивали представители специальных

служб. Руководство НА Румынии проигнорировало эту инициативу и только в 2022 г. признало необходимость нормализации ситуации с доступом к архивам. Реакцией академического сообщества стало открытое письмо, в котором подчеркивалась опасность введения цензуры, так как в число закрытых для доступа документов попали «сведения, отражающие уровень жизни рабочих в 1950-е гг., репрессивная политика, проводимая коммунистическим режимом в контексте Венгерской революции 1956 г., и даже информация об экспорте вина в СССР» [23].

Столь активная реакция интеллектуалов указывает на то, что они усвоили уроки демократического транзита, который позволил им осознать себя в качестве сообщества. В такой ситуации сообщество понимает, что ему необходимо «продолжать деконструировать — критиковать и заново определять те смыслы, которые нами теряются в результате деполитизации политического мира, через декультурализацию культуры и нигилизацию мышления в новейшем обществе» [24, с. 95]. Подобная политика, с одной стороны, воспринимается интеллектуалами как форма контроля над прошлым и над процессами развития коллективной памяти, с другой — интеллектуальное сообщество периодически подчеркивает, что политические правящие элиты в Румынии не проявляют уважения к историческому прошлому. Такое отношение составляет одну из системных характеристик румынской мемориальной политики, воспринимаемой интеллектуалами через призму укрепления режима за счет гражданского общества.

В качестве примера подобного неуважительного отношения к исторической памяти общественными активистами позиционировался снос в начале 2023 г. греко-католической церкви Святой Троицы в селе Унгень. Снесенная церковь воспринимается гражданскими активистами как «историческая резиденция трансильванских румын и важный центр духовности в Трансильвании XIX века» [25]. Ситуация, сложившаяся на протяжении 2020–2022 гг. в области мемориальной культуры в целом и исторических архивов в частности, заставила румынских интеллектуалов поднять вопрос о фактическом возникновении в Румынии национальной версии политики памяти, инициируемой, контролируемой и проводимой государством.

Интеллектуалы и проблема ревизионизма в политике памяти

Дорин Добринку в 2022 г. поставил перед историческим сообществом и элитами несколько неудобных вопросов: «Кто боится прошлого?», «Кому выгодна реклассификация документов, находившихся в открытом доступе в течение последних 15 лет?», «Хотим ли мы снова положить под замок документы, касающиеся румынских диктатур?», «Хотим ли мы воссоздания Управления секретных документов в том виде, в каком оно существовало в Государственном архиве и других учреждениях до начала 1990-х годов?», «Хотим ли мы, чтобы не было известно, чем занимались авторитарные лидеры, вне зависимости от того, были ли они коронованными особами, генералами или маршала-

ми, главами экстремистских партий, от легиона Архангела Михаила до Румынской коммунистической партии?», «Хотим ли мы, чтобы об институтах румынского государства — в его репрессивных и даже криминальных проявлениях — больше не знали?», «Хотим ли мы ограничить доступ к документам о массовых убийствах в Яссах или Одессе 1941 года?», «Хотим ли мы обелить румынский фашизм и коммунизм?», «Хотим ли мы общество без памяти?» [26].

Формулировка именно таких вопросов свидетельствовала о том, что интеллектуалы «должны решить “внутренние споры”, попытаться критически разобраться с собственным прошлым, чтобы “скелеты в шкафу” не помешали нам избавиться от комплексов и политического балласта. Каждая “национальная историография” не только на востоке, но и на западе Европы сталкивается при решении этой проблемы со своими трудностями» [27, с. 46]. В румынском случае эта задача оказалась практически невыполнимой, так как желание интеллектуального сообщества сформировать новую коллективную память столкнулась с непониманием и нежеланием элит менять используемые версии мемориальной культуры, которые казались им вполне применимыми для решения политических задач.

Эти вопросы в большей степени имеют отношение к историческому ревизионизму как поиску новых ответов на вопросы, формулируемые самой логикой развития истории как науки. Вместе с тем часть историков в современной Румынии констатирует, что мемориальная культура в большей степени основана на консервации интерпретаций, а не на пересмотре предложенных ранее объяснений. Поэтому Кодруц Константину подчеркивает опасность исторической профессии в Румынии, где ряд вопросов национального прошлого табуирован [28]. Среди этих проблем, которые подвергаются маргинализации и перемещению в пространства коллективной социальной и исторической амнезии, находятся вопросы подмены памяти о румынском коммунизме субъективными и личными воспоминаниями о нем же, граничащими с ностальгией [29].

В такой ситуации обращение к прошлому в коллективной памяти «является результатом стремления к терапевтической коррекции настоящего путем нарушения прошлого опыта и его трансформированного перехода к современности» [30, с. 419]. Если в начале 2020-х гг. румынское общество не только было готово такие вопросы слышать, но и пыталось отвечать на них, подчеркивая, что «потребовались десятилетия, чтобы узнать правду о тех годах... и теперь нам необходимо говорить ответственно, с уважением и благочестием в демократической Румынии, которая стала способна осудить преступления диктаторского режима и избавиться от лицемерия коммунизма» [31], то к 2022–2023 гг. история оказалась в центре политических дебатов, став как предметом манипуляции, так и мобилизационным ресурсом. Поэтому Д. Добринку констатирует необходимость «понять и принять уникальность и специфику деятельности архивов на службе общества» [32] в рамках сохранения исторической памяти.

Политические противоречия мемориальной культуры

В этих условиях в Румынии сложилась ситуация конфликта памяти общества и памяти власти, так как «желание властных инстанций контролировать историческую политику может наталкиваться на препятствия и противодействие за пределами государственных структур» [33, с. 16]. Подобная позиция румынских интеллектуалов вступает в явное противоречие с той, что занимают элиты. Если первые акцентируют внимание на памяти как факторе прогресса общества, то вторые склонны сводить ее функции почти исключительно к контролю.

Среди политически неудобных вопросов оказался и вопрос, связанный с ролью румын в Холокосте. Анка Спану, комментируя 28 января 2023 г. участие Румынии в Международном дне памяти жертв Холокоста, констатировала, что современная мемориальная культура переполнена примерами «возрождения языка вражды ко всему инаковому» [34], что является «первым шагом в направлении нежелательного повторения истории». По мнению А. Спану, коллективная память сталкивается с «натиском ложной информации, и противостоять ей становится все труднее, как отдельным активистам, так и институтам» [34]. Ионел-Клаудиу Думитреску в связи с этим указывает на то, что объектом таких манипуляций с прошлым и мифологизации истории является коммунизм и его место в коллективной памяти. Согласно Думитреску, «румынский народ, которому надоели промахи политиков, ищет образцового лидера, который вытащит страну из грязи и, так как память масс очень недолговечна, лишь бывший диктатор претендует на такую роль. Ложь пропаганды превратила его в своего рода мученика и жертву... Николае Чаушеску воспринимается как патриот... но документы, опубликованные после событий декабря 1989 года, показывают лицо другого человека» [35].

По мнению исследователей коллективной памяти, «пересмотр прошлого произошел после краха коммунизма, частично оттого, что коммунистический период воспринимался как какая-то эрозия памяти в “режиме забывания”» [36, р. 177], что представляется неверным для Румынии, где общество превратило рефлексии относительно собственного коммунистического опыта в прошлом в важный элемент идентичности. Деконструкция образа Н. Чаушеску как героя и его демонизация в посткоммунистической мемориальной культуре актуализирует вопрос ответственности политического класса и его участия в исторической политике, что возвращает общество к списку вопросов, сформулированных Д. Добринку. По мнению немецкой исследовательницы Ю. Шеррер, «сама природа плюралистических обществ предполагает формирование в них различных и даже противоречащих друг другу толкований прошлого» [37, с. 90].

Интеллектуальная инициатива Д. Добринку, которая активизировала политику исторической памяти в Румынии, актуализировала плюрализм общества, оказавшийся, правда, односторонним в силу того, что

в подобных ситуациях, по словам белорусского историка Г.Н. Сагановича, «мышление стереотипами боится демократизации и открытости» [38, с. 111]. Готовность к различным восприятиям прошлого проявили почти исключительно интеллектуалы, в то время как представители элит, наоборот, предпочли сохранить мемориальный канон, созданный их предшественниками. Проблемы, на важность и нерешенность которых обратили внимание румынские историки, оказались в одинаковой степени неудобны как для властей, так и для активистов исторической политики, потому что они манипулировали прошлым с целью политической мобилизации и легитимации, а не ради его научного изучения, к которому стремится академическое сообщество, представленное Д. Добринку.

Отвечая на эти вопросы, Д. Добринку указывал на важность коллективной исторической памяти, подчеркивая, что «свободный доступ к архивам необходим для демократического общества, на него не должны влиять политические или бюрократические интересы и игры. Без свободного доступа к следам прошлого, к архивам, к историческим документам ослабевают основы демократического общества» [26]. Анка Спану такую тенденцию в развитии мемориальной культуры связывает с попытками институционализации в румынском обществе коллективной амнезии с целью маргинализации и вытеснения политически и идеологически неудобных для элит моментов. В такой ситуации, как полагает А. Спану, «коллективная память нацелена на забывание зла в чистом виде, что основано на использовании недостатка образования или его поверхностности» [34], позволяющих цензурировать коллективную память.

Политические элиты и интеллектуалы: мемориальная конкуренция

Интеллектуальная инициатива Д. Добринку актуализировала в современном румынском обществе ситуацию, в которой «представители нации размышляют о своей истории», но «им тяжело говорить на одном и том же языке» [39, с. 14]. Поэтому, полемизируя со сторонниками инструментализации прошлого, его превращения в политический ресурс в рамках исторической политики, Д. Добринку указывал на важность политики памяти, осуществляемой историками и другими интеллектуалами, понимающими, что «граждане имеют право на общественную память, будь то память микросообществ или политического тела, государства, которая формируется через дебаты, диалог, противостояние различных, конкурирующих точек зрения» [40].

В этой ситуации румынские интеллектуалы, в том числе профессиональные историки, оказываются вынужденными участниками исторической политики, представляя ее умеренное течение, в основе которого лежит в большей степени признание истории и прошлого в качестве символических ресурсов, но не их непосредственное использование ради легитимации и консолидации режима. Последнее активно

практикуется со стороны политических элит, в своем мемориальном противостоянии с активистами гражданского общества стремящихся институционализировать ту версию исторической памяти, которая, на их взгляд, является наиболее верной. Именно поэтому в рамках такой политической линии в июле 2022 г. президент Румынии Клаус Йоханнис обнародовал закон об учреждении Национального музея антикоммунистической революции в г. Тимишоара [41].

Решения о создании Музея антикоммунистической революции и о введении с 2024 г. в школьную программу курса «История коммунизма в Румынии» [42] фактически свидетельствуют о стремлении элит играть доминирующую роль в исторической политике и лишить гражданских активистов инициативы в формировании и развитии коллективной исторической памяти, что в перспективе обезопасит элиты от появления и развития как альтернативных интерпретаций, так и параллельных мемориальных культур. Поэтому современная политика памяти в Румынии отличается множественным и гетерогенным характером. Комментируя ситуацию, Д. Добринку подчеркивает, что «после 1989 года и в последние годы различные институты румынского государства продолжали увековечивать и вновь подтверждать память о своих мрачных периодах либо во время Второй мировой войны, либо в коммунистический период, что относится к Министерству внутренних дел, жандармерии и румынской разведывательной службе» [43].

В сложившейся ситуации историческая память румынского общества не только актуализировала свое значение, санкционируя «обращение как к ужасам прошлого, так и к радостям истории», но и оказалась вынужденной выбирать между «коллективным аутизмом» и «уродливым эгоцентризмом» [44]. Если, по мнению румынских экспертов, первому «не должно быть места в развитом обществе», то второе «не оставит камня на камне от памяти» [44]. Таким образом в начале 2020-х гг. институционализировались особенности мемориальной культуры Румынии. Государство, с одной стороны, сохранило свою роль в исторической политике, будучи в состоянии избежать создания специального института памяти. С другой стороны, общественные активисты стали основными форматорами создания и развития культуры исторической памяти в публичных и общественных пространствах. Отношения между этими двумя полюсами в современной румынской исторической политике могут быть определены как конфронтационные, развивающиеся в рамках «войн памяти», в ходе которых с обеих сторон оспаривается право как формировать память, так и осуществлять ее контроль и цензурирование.

Выводы

Политика памяти на современном этапе в значительной степени подвержена идеологическому и политическому влиянию со стороны румынского национализма. Именно национализм является основным фактором, который содействует формированию запроса современного

румынского общества на наличие тех или иных интерпретаций коллективного исторического опыта. Поэтому, интерпретации фактов прошлого, которые имеют распространение в публичных и общественных пространствах современного румынского социума, в значительной степени подвержены влиянию националистической идеологии. Политика памяти и формируемая в ее результате мемориальная культура в современной Румынии отличаются значительным уровнем фрагментации. Современное румынское общество не в состоянии сформировать единый мемориальный канон, который содействовал бы как консолидации национальной политической гражданской идентичности, так и развитию единой компромиссной версии исторической памяти.

В новейшей румынской истории существует ряд тем, которые содействуют фрагментации румынской мемориальной культуры. Основные темы, которые ведут к развитию исторической памяти Румынии на принципах множественного соразвития различных памятей, связаны с восприятием опыта румынского национализма и коммунизма в XX в. Именно интерпретация этих противоречивых событий в истории страны становится поводом для мемориальной конфронтации и войн памяти в современном румынском обществе. При этом следует принимать во внимание и то, что степень конфликтности румынской мемориальной культуры в значительной степени ниже, чем аналогичный показатель в других постсоциалистических странах, по причине в большинстве случаев гетерогенного состава населения последних. Отсутствие серьезных этнических конфликтов между представителями различных групп в этой ситуации содействует тому, что основная линия разграничения в рамках мемориальной культуры проходит вокруг различных идеологически и политически мотивированных интерпретаций фактов прошлого, что оказывает существенное влияние на реализацию и протекание современной мемориальной политики в Румынии.

В целом следует подчеркнуть, что история как мобилизационный и легитимационный ресурс политических элит будет и в дальнейшем использоваться правящими кругами в современной Румынии. Склонность элит к применению символического потенциала истории свидетельствует об универсальности исторической политики памяти как формы мобилизации и легитимации. Что касается перспектив развития румынской исторической политики, то не следует исключать более активного применения символического ресурса истории в контекстах решения политических и частично экономических задач. В этой ситуации правящие политические элиты и в дальнейшем будут обращаться к истории как к эффективному консолидационному ресурсу и механизму.

Таким образом, историческая политика в современной Румынии в начале 2020-х гг. актуализировала и национальные особенности политики памяти, и общие закономерности, которые характерны для манипуляции фактами исторического прошлого в современных публичных и политических пространствах. Подобное активное использование по-

литики памяти современными румынскими элитами свидетельствует об их решимости в применении символического мобилизационного потенциала истории и указывает на необходимость дальнейшего междисциплинарного и анализа румынской мемориальной политики.

Список литературы

1. *Lee N.* Memory Construction and the Politics of Time in Neoliberal South Korea. Durham, 2022.
2. *Klabjan B.* Borderlands of Memory: Adriatic and Central European Perspectives. L. ; N. Y. ; Berlin, 2018.
3. *Loytomaki S.* Law and the Politics of Memory: Confronting the Past. L. ; N. Y., 2014.
4. *Perkins Ch.* The United Red Army on Screen: Cinema, Aesthetics and The Politics of Memory. L. ; N. Y., 2015.
5. *Tileagă C.* Representing Communism After the Fall: Discourse, Memory, and Historical Redress. L. ; N. Y., 2018.
6. *Asavei M.A.* Art, Religion and Resistance in (Post-)Communist Romania: Nostalgia for Paradise Lost. L. ; N. Y., 2020.
7. *Stan L.* Transitional Justice in Post-Communist Romania: The Politics of Memory. Cambridge, 2012.
8. *Holocaust Public Memory in Postcommunist Romania* / ed. by A. Florian. Bloomington, 2018.
9. *Ciobanu M.* Repression, Resistance and Collaboration in Stalinist Romania 1944–1964: Post-communist Remembering. L. ; N. Y., 2020.
10. *Anghel F.* Memoria istorică a României Mari prin monumentele eroilor din Dobrogea // Cuget Liber. 2020. Noiembrie 25. URL: <https://cugetliber.ro/stiri-cultura-educatie-memoria-istorica-a-romaniei-mari-prin-monumentele-eroilor-din-dobrogea-417016> (дата обращения: 15.03.2023).
11. *Rottier P.* Legitimizing the Ata Meken: the Kazakh intelligentsia write a history of their Homeland // Ab Imperio. 2004. №1. P. 467–486.
12. *Orban L.* Să ne asigurăm că memoria victimelor Holocaustului rămâne demnă și neîntinată de încercări de rescriere a istoriei // Bursa. 2020. Octombrie 9. URL: <https://www.bursa.ro/ludovic-orban-3939sa-ne-asiguram-ca-memoria-victimelor-holocaustului-ramane-demna-si-neintinata-de-incercari-de-rescriere-a-istoriei3939-69258048> (дата обращения: 15.03.2023).
13. *Tănăsescu A.* Ce prevede PNRR pentru cultură: digitalizarea pieței de carte, trasee turistice ale monumentelor istorice și muzee dedicate memoriei victimelor comunismului // Edupedu. 2021. Iunie 12. URL: <https://www.edupedu.ro/ce-prevede-pnrr-pentru-cultura-digitalizarea-pietei-de-carte-trasee-turistice-ale-monumentelor-istorice-si-muzee-dedicate-memoriei-victimelor-comunismului-cultura-la-duba/> (дата обращения: 15.03.2023).
14. *Anghel F.* Memoria istorică a României Mari prin monumentele eroilor din Dobrogea // Cuget Liber. 2020. Noiembrie 25. URL: <https://cugetliber.ro/stiri-cultura-educatie-memoria-istorica-a-romaniei-mari-prin-monumentele-eroilor-din-dobrogea-417016> (дата обращения: 15.03.2023).
15. *Monumentele României Mari din București – o nouă expoziție la Palatul Suțu* // Historia. 2021. Noiembrie 26. URL: <https://historia.ro/sectiune/timp-liber/monumentele-romaniei-mari-din-bucuresti-o-noua-565319.html> (дата обращения: 15.03.2023).

16. Friedman J. History, Political Identity and Myth // Lietuvos etnologija. Lithuanian Ethnology. Studies in Social Anthropology and Ethnology. 2001. №1. P. 43.
17. Stan A. Artizan al Unirii, erou al românilor din Transilvania: Gheorghe Pop de Băsești și o Casă Memorială redată istoriei // Contributors. Texte cu valoare adaugata. 2020. Noiembrie 4. URL: <https://www.contributors.ro/artizan-al-unirii-erou-al-romanilor-din-transilvania-gheorghe-pop-de-basesti-si-o-casa-memoriala-re-data-istoriei/> (дата обращения: 15.03.2023).
18. Șteț S. "Bathory Fest 2021" la Șimleu Silvaniei cu trupe de reconstituire istorică // Radio România. 2021. Septembrie 17. URL: <https://www.romania-actualitati.ro/stiri/romania/bathory-fest-2021-la-simleu-silvaniei-cu-trupe-de-reconstituire-istorica-id156176.html> (дата обращения: 15.03.2023).
19. Filmul "Regele Mihai: Drumul către casă" va fi prezentat Bucharest International Film Festival 2022 // Revista 22. 2022. Septembrie 14. URL: <https://revista22.ro/actualitate-interna/filmul-regele-mihai-drumul-catre-casa-va-fi-prezentat-bucharest-international-film-festival-2022> (дата обращения: 15.03.2023).
20. Grajdeanu M. Momente din istorie, Istoria comunismului in Romania. București, 2021.
21. Diaconu M.C. Romanul grafic istoric, un manual auxiliar // Zile și nopți. 2021. Decembrie 19. URL: <https://zilesinopti.ro/2021/12/19/b-d-romanul-grafic-istoric-un-manual-auxiliar/> (дата обращения: 15.03.2023).
22. Hrytsak Y. On Sails and Gales, and Ships sailing in various Direction: Post-Soviet Ukraine // Ab Imperio. 2004. №1. P. 229 – 254.
23. Scrisoare deschisă privind accesul istoricilor la documente din Arhivele Naționale // Contributors. Texte cu valoare adaugata. 2022. Mai 29. URL: <https://www.contributors.ro/scrisoare-deschisa-privind-accesul-istoricilor-la-documente-din-arhivele-nationale/> (дата обращения: 15.03.2023).
24. Баркоўскі П. Інтэлектуальны маніфест: тут і цяпер // Палітычная сфера. 2013. №21 (2). С. 93 – 96.
25. Suciu A.-I. Cardinalul Lucian Mureșan reacționează: Demolarea lăcașului de cult istoric de la Ungheni, văzută ca o lipsă de respect față de memoria istorică a românilor din zonă // Unirea. 2023. Martie 30. URL: <https://ziarulunirea.ro/cardinalul-lucian-muresan-reactioneaza-demolarea-lacasului-de-cult-istoric-de-la-ungheni-vazuta-ca-o-lipsa-de-respect-fata-de-memoria-istorica-a-romanilor-din-zona-822675/> (дата обращения: 15.03.2023).
26. Dobrinicu D. Noua direcție a adevărului: distrugerea memoriei istorice românești // Contributors. Texte cu valoare adaugata. 2022. Mai 29. URL: <https://www.contributors.ro/noua-directie-a-adevarului-distrugerea-memoriei-istorice-romanesti/> (дата обращения: 15.03.2023).
27. Траба Р. Польские споры об истории в XXI веке // Pro et Contra. 2009. №3-4. С. 43 – 64.
28. Constantinescu C. Suntem prizonierii istoriei // Revista 22. 2021. Mai 25. URL: <https://revista22.ro/cultura/suntem-prizonierii-istoriei> (дата обращения: 15.03.2023).
29. Constantinescu C. Memoria problematică a obiectelor comuniste // Dilema Veche. 2022. №926. Ianuarie 6 – 12. URL: <https://dilemaveche.ro/sectiune/la-fata-timpului/memoria-problematica-a-obiectelor-comuniste-633904.html> (дата обращения: 15.03.2023).
30. Кръстев Д. Канон и/или агон. Литературноисторическите (ре)конструкции // Култура и критика. Т. 3 : Краят на модерността? / съст. А. Вачева, Г. Чобанов. Варна, 2003. С. 416 – 449.

31. *Orban L.* Să ne asigurăm că memoria victimelor Holocaustului rămâne demnă și neîntinată de încercări de rescriere a istoriei // *Bursa*. 2020. Octombrie 9. URL: <https://www.bursa.ro/ludovic-orban-3939sa-ne-asiguram-ca-memoria-victimelor-holocaustului-ramane-demna-si-neintinata-de-incercari-de-rescriere-a-istoriei3939-69258048> (дата обращения: 15.03.2023).

32. *Dobrincu D.* Scandalul Arhivelor Naționale și ieșirea din paradigma sovietică // *Revista 22*. 2022. Iunie 14. URL: <https://revista22.ro/opinii/dorin-dobrincu/scandalul-arhivelor-nationale-si-iesirea-din-paradigma-sovietica> (дата обращения: 15.03.2023).

33. *Белов М. В.* Введение: «Историческая политика» или «политика памяти»? // *Историческая политика в странах бывшей Югославии* / ред. М. В. Белов. СПб., 2022. С. 3–26.

34. *Spânu A.* Memoria istoriei și discursul urii // *Viata Libera*. 2023. Ianuarie 28. URL: <https://www.viata-libera.ro/editorial/196599-memoria-istoriei-si-discursul-urii> (дата обращения: 15.03.2023).

35. *Dumitrescu I.-C.* Adevărata față a lui Nicolae Ceaușescu încă de la începuturile ascensiunii spre puterea supremă // *Historia*. 2021. Noiembrie 26. URL: <https://historia.ro/sectiune/general/adevarata-fata-a-lui-nicolae-ceausescu-inca-de-la-565336.html> (дата обращения: 15.03.2023).

36. *Outhwaite W., Ray L.* Modernity, Memory and Postcommunism // *Social Theory and Postcommunism* / ed. by W. Outhwaite, L. Ray. L.; N. Y., 2005. P. 176–197.

37. *Шерпер Ю.* Германия и Франция: проработка прошлого // *Pro et contra*. 2009. №3-4. С. 89–108.

38. *Сагановіч Г.* Танэнберг / Грунвальд / Дуброўна 1410: сімвалізацыя бітвы ў Беларусі // *Беларускі Гістарычны Агляд*. 2010. Т. 17, сш. 1–2 (32–33). С. 89–116.

39. *Аймермахер К., Бордюгов Г.* «Свое» и «чужое» прошлое // *Национальные истории в советском и постсоветских государствах* / ред. К. Аймермахер, Г. Бордюгов; предисл. Ф. Бомсдорфа. М., 2003. С. 14–17.

40. *Dobrincu D.* Noua direcție a adevărului: distrugerea memoriei istorice românești // *Contributors. Texte cu valoare adaugata*. 2022. Mai 29. URL: <https://www.contributors.ro/noua-directie-a-adevarului-distrugerea-memoriei-istorice-romanesti/> (дата обращения: 15.03.2023).

41. *Klaus Iohannis* a promulgat legea de înființare a Muzeului Național al Revoluției Anticomuniste din decembrie '89 // *Bursa*. 2022. Iulie 21. URL: <https://www.bursa.ro/klaus-iohannis-a-promulgat-legea-de-infiintare-a-muzeului-national-al-revolutiei-anticomuniste-din-decembrie-89-65601743> (дата обращения: 15.03.2023).

42. *Iacob V.* Elevii vor avea o nouă materie obligatorie de la anul. “O pagină recentă și dureroasă a istoriei României” // *Ziare*. 2023. Martie 4. URL: <https://ziare.com/scoala/materie-noua-scoala-2023-istoria-comunismului-1792197> (дата обращения: 15.03.2023).

43. *Dobrincu D.* Judecători care rescriu istoria. Perspectiva Securității în decizia din procesul Gheorghe Ursu // *Revista 22*. 2020. Februarie 4. URL: <https://revista22.ro/dosar/judecatori-care-rescriu-istoria-perspectiva-securitatii-in-decizia-din-procesul-gheorghe-ursu> (дата обращения: 15.03.2023).

44. *Arun G.* Recursul la memorie, un act de disciplină morală // *Adevarul*. 2021. Mai 5. URL: <https://adevarul.ro/blogurile-adevarul/recursul-la-memorie-un-act-de-disciplina-morala-2093999.html> (дата обращения: 15.03.2023).

Об авторе

Максим Валерьевич Кирчанов — д-р ист. наук, доц., Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия.

E-mail: maksymkyrchanoff@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-3819-3103>

M. W. Kyrchanov

**HISTORICAL POLICY AND MEMORIAL CULTURE
OF MODERN ROMANIAN SOCIETY**

Voronezh State University, Voronezh, Russia

Received 20 April 2023

Accepted 19 June 2023

doi: 10.5922/sikbfu-2023-3-7

84

To cite this article: Kyrchanov M. W., 2023, Historical policy and memorial culture of modern Romanian society, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №3. P. 69–84. doi: 10.5922/sikbfu-2023-3-7.

The aim of the research is to analyze the contemporary politics of memory in Romania in the early 2020s. The author examines the role and place of intellectual communities as key spaces of memory genesis and the functioning of memorial culture and collective historical memory in the contemporary social and political thought of Romania. The novelty of the study lies in exploring the current stage in the development of the historical politics of Romanian society in the context of an objective deficit of interdisciplinary research focused on the analysis of memorial cultures. The article demonstrates that: 1) the intellectual community, as one of the systemic segments of modern Romanian society, significantly contributes to the development and transformation of memorial culture; 2) the spectrum of memorial practices of Romanian intellectuals, as agents of historical memory politics and shapers of various versions of memorial culture, varies from historical revisionism to attempts to form a liberal memorial canon; 3) the memorial practices of the contemporary intellectual community are interconnected with the development of civil and ethnic nationalist discourse; 4) the participation of intellectuals in memory politics actualizes the political and ideological heterogeneity of modern society, contributing to the simultaneous coexistence and competition of different forms of historical memory. It is assumed that the role of Romanian civil society in the historical politics of contemporary Romania will increase, and the intellectual community will remain one of the active participants in the politics of collective memory.

Keywords: Romania, collective memory, intellectuals, historical politics, wars of memory, culture of memory

The author

Prof. Maksym W. Kyrchanov, Associate Professor, Voronezh State University, Voronezh, Russia.

E-mail: maksymkyrchanoff@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-3819-3103>